

И ВОЙНА НЕ МОЁ ремесло...

Опоздать к Рождеству

Чем потешиться, ночь? Расписным куличом
В белоснежной январской глазури.
По пустым переулкам бродить ни о чем,
Наблюдать, как шановный мазурик
Потащил виртуозно пустой кошелек
У пьянчуги, счастливого в доску,
Как законченный год вышел тенью и лег
У столба по фонарному воску.
Этот свет, что любого состарит на век,
Одиночество первой морщины.
Потаенную грусть увядающих век
По достоинству ценят мужчины.
Электричество. Связь. Необъятный поток.
Мыслеформы двоичной системы.
Мандарины попарно ложатся в лоток,
Ночь молчит. Двери прячутся в стены.
Не укрыться в подъезде от взглядов витрин,
Не спастись от свистка постового.
Перекрыты все трассы, ведущие в Рим:
Вдруг да выпустят бога – живого.
За душой ни души. Мостовые Москвы
Кроет ветер безбожно и люто.
...По Арбату устало плетутся волхвы
И в снегу утопают верблюды.

* * *

И. М.

Петербург. Петроград. Голодуха.
Трубы, трупы, рассветная морось.
Город вымерз. От каждого слуха
Он теряет и гордость, и голос.
Бескозырки выходят на Невский
В полном блеске сапог и медалей.
...Ваши штуки, товарищ Гриневский,
Не поймет мировой пролетарий.
Чудаки возвращаются с воли,
Им по карточкам – пайка и борщик...
Поезжайте-ка в Африку, Коля, –

Из поэта плохой заговорщик.
Наплевать, кто стоит у кормила
Наверху, – равноценно багровы
Основание нового мира
И фундамент для града Петрова.
...А на Марсе, не зная о Марксе,
Дети Тумы мечтают о странном...
«Аэлита» безмолвствует в «Арсе».
Точит дева слезу над романом.

Баллада о холодной ночи

Главное, мин херцн, это искренность.

В. Никритин

Кесарю – косую, суке – выпренность,
Пастырю – глухие пустыри.
Главное, мин херцн, это искренность.
Наболело – так и говори.
Что брести в метель замоскворечицей,
Что ловить трамвайное тепло.
Прячешь плечи. Знаю, время лечится.
И проходит, если повезло.
Уезжай по тряской равнодушице,
Набирай по памяти звонок.
Если я отвечу – дом разрушится.
Промолчу – останусь одинок.
Что слова – бесплодные и скудные.
Посмотри на чахлое бытѐе.
Я пойду на улицы безлюдные,
Половлю на деньги забытѐе.
И вернусь, пустой и неприкаянный,
Безоружный, словно инвалид.
Знаешь, если ночь гулять окраиной,
Поутру всегда душа болит.

Любовный рок-н-ролл

Майн либе рокер, он был бабник и писал альманах,
Он возвращался из Сибири в одних штанах, надетых нах,
Он мог косячить на работе и забивать косяки
И засыпать в своей блевоте и завывать от тоски.
Его гитарка в алых брызгах перерезанных вен,
Его татарка носит пузо и что-то хочет взамен.

Эй, вымой голову, бэйби, – ты начинаешь лысеть!

Майн либе геймер трахал клави и любил свою мышь,
Он жрал какую-то отраву и говорил «пошли, малыш»,
Он видел жёлтое светило четыре-пять раз в году,
Он был похож на крокодила из песков Катманду,

Я потихоньку проследила, куда ведёт его тропа –
Она от кухни до сортира и обратно до компа.

Эй, вымой голову, бэйби, – ты начинаешь лысеть!

Майн либе лирик был начальник в конторе номер один,
Он был молчаливик и печальник и сам себе господин,
Он в ресторане кушал утку и копчёных угрей,
Учил красотку секретутку размерить ямбом хорей,
Он чтил законы и систему, забыл, когда сидел в метро,
И третий год писал поэму про плоский зад Мерлин Монро

Эй, вымой голову, бэйби, – ты начинаешь лысеть!

Мужчина может быть похожим на кота-камышла,
Быть толстобрюхим, краснорожим и не иметь ни шиша,
Пить пиво с раковой печёнкой, давить орехи на спор,
Любиться с каждой девчонкой, чесать кулак об забор.
Но, подыхая на бульваре, в нечётный день января,
Плевать в лицо костлявой твари – «по крайней мере жил не зря».

Эй, вымой голову, бэйби, – ты начинаешь лысеть!

Мон дье

Мой бог – слабак и немного циник,
Он носит джинсы и пьёт кагор,
В его кармане всегда полтинник,
А вместо плечи – всегда пробор.

Он пьёт... об этом уже сказала,
Он спит... а спит ли он здесь вообще?
Он может в полночь прийти с вокзала
В дождевековом сыром плаще,

Достать билеты – плацкарт до Тулы,
Сказать: езжай, у меня дела.
Он знает точки любой натуры,
Как кожа помнит укол стила.

Я буду плакать и бить стаканы,
Потом поеду... А он пока
Повесит плащ, перевязет раны
И выпьет тёплого молока.

Его заботы моим не пара,
Ивану – Машу, кота – мышам.
Горнило – горю, кошму – кошмару,
И с каждым маленьким – по душам.

Да, с каждым малым – ладонь к ладони,
Простить и снова, простить и сно...

Спрошу, как пахнут ковыль и донник,
Скажи – степями, скажи – весной...

Дай бог покоя – на ночь глухую
Дремать вполглаза, слова плести,
Раз взял богиней меня – такую,
То я сумею его спасти.

* * *

Не прибыли к югу, не убыли в снег,
Готический оттиск Свенельдовых снекк,
Расправленный парус, латинский оскал
И скалы, которых так долго искал –
Разбиться до щепок и кануть на дно
Божественной данью без всякого «но».
Колблемый морем, уснет флогистон.
За миг до бессмертия чистым листом
Очнуться... Любимый, все наши умы,
Все страхи, все строки, все смыслы, всё смы...

Баллада об иноходцах

Орландо Фуриозо

О вас, кто ходит кривой дорогой,
Кто молча стонет: «Люби, не трогай»,
Кто равно дорог царю и гейше,
Кто видел тени былых светлейших,
Кто ищет в пыльном кладбище лавки
Смарагд с головки былой булавки,
Кому дороже любой невесты
Сухие ветхие палимпсесты –
Желаю счастья!
Вы так непрочны,
Вы так на звездах своих полночны,
Что никакому теплу и свету
Не перебраться за эту Лету.
«Люби, не трогай!» – а мы руками
Зерно до хлеба и глину в камень,
И держим угли в ладонях: «На же –
И будет счастье – пускай, не наше,
Очаг и крепи, столы и спальни»...
Чем ход нелепей, тем взгляд кристальной,
Тем выше небо над городами,
Тем больше странных бредет следами,
Дрожит в трамваях, ладонью робкой
Скребет по стеклам «Кривой дорогой» –
На транслатинском своем транслите –
«Нам будет больно.
А вы – любите!»

Баллада волн

Тонкая прелесть увядшей розы
В старой тетрадке, в большом пакете
На антресолях, куда подальше,
Чтоб не нашли ни коты, ни дети.

Ключик в шкатулке. Шкатулку эту
На барахолку снесла соседка,
А барахолку закрыли летом –
Даже бомжи там бывают редко.

Дама – хозяйка моей шкатулки –
В Хайфе. Рисует углём заливыв.
Дома в шкатулку мою бросает
Косточки вишен, айвы и сливы.

Ключик висел у неё на шее,
Но оборвался, когда в Эйлате
Она решила пойти купаться
И поспешила, снимая платье.

Рыба, которой случилось мимо,
Съела добычу, вздохнула кротко
И поплескала к своим саргассам,
Мудрая рыба с седой бородкой.

Сэр капитан рыболовной шхуны
По уши в море, по шею в тине,
В синие волны закинув невод,
Ходит по рубке и пьёт мартини.

– Дело ль мужчине, – твердит лукавый, –
Словно займы проживать на свете
Вместо кровавой и бранной славы
Пялиться в воду, закинув сети?!

...Время на рынок – искать к обеду
Карпа, форель, золотую туну.
Чистить, кромсать, посыпать мукою,
Жарить и тихо мечтать про шхуну,

Море оттенка увядшей розы,
Золото, сабли, костры, Карибы...
И заглянуть – просто так, от скуки, –
Что там во рту у уснувшей рыбы?

Молитва Дженис

Эй, боже мой, купи мне хорошую машину!
Харе таранить город, пора хилить на трассу,
А мимо будут бары, отары и ограды,

Коровы и ковбои, аяя!
Обманутое море в наручниках бетона,
Закаты и заливы, зеленое на синем,
А волны носят смыслы, а рыбы валят в сети,
Эй, рыбаки, за дело, аяя!
Каймой орлиных перьев меня поманит небо,
Скреби его крылами до дырок, Леви Страус,
Асфальтовые лиги, облупленные мили,
И пули белой пыли, аяя!
Меня еще не стало, тебя уже не будет,
Однажды сев на рифы, играй себе до смерти,
Смотри на струны трассы и пой о боге, белый!
А неба не бывает, аяя!
Несут к ебени маме колеса мерседеса,
О чем ты плачешь, бэби, – бай-бай себе в канаве!
И ветром, ветром, ветром, разбей меня о стекла –
Пора прорваться к раю, аяя!
Пора порвать вам арфы, святые, марш отсюда –
Играть в подвалах блюзы, блудить и пить текилу.
Да, господи, спасибо – хорошая машина!
Встречай, пора, я рядом – айяаа!!!

Еще одна песня Жанны

Архангел, спрячь свои крылья, я не пойду на войну!
Дороги выбелит пылью, все камни канут ко дну,
Четыре всадника строим по нашей бедной земле.
Шумят английским героям заливы Па-де-Кале.
Набрякли золотом нивы, сегодня некому жать,
Сегодня только ленивый не побоится рожать.
Архангел, лилии пали, и орифламма в пыли,
Меня на битву позвали, а ты остаться вели...
Ведь так хочется жить и купаться в росе под прищуром июньских рассветов,
И дитя у груди, слышишь, архистратиг, стоит больше всего королевства!
И война не мое ремесло...
Не мое ремесло.
Святым приходится биться, изнемогая от ран,
Я стану драться, как львица, пока стоит Орлеан,
Отставлю трусам доспехи, шагну в горящий пролом, –
Не сомневаясь в успехе: архангел машет крылом.
Христос заплатит Харону, и лодка сделает круг,
И Карл получит корону из нецелованных рук,
Архангел, спрячь свои крылья, о смерти ты ль говоришь?
Горит зеленой бутылку в оправе солнца – Париж!
Я хотела бы спать в жалкой хижине, там, где так густо разросся орешник,
Где скрипит козодой, и бубенчик на шее козы вторит звону с большой колокольни.
И война не мое ремесло...
Не мое ремесло.
Попы смеются: девица, где кружева и коса?
Запомни,дохлая львица дешевле вшивого пса!
Как свиньи подле лоханки, попы у груди бумаг:
К тебе являлся архангел – он был одет или наг?

Жила пастушка у стада, а стала крыса в норе.
Ты не успеешь, не надо, не бей коня, Жиль де Ре!
Меня обложат дровами, потом оставят одну.
Архангел, слово за вами – пора закончить войну!
Все вернутся домой – победитель, солдат, фуражир, маркитантка, калека.
Будет ласковый дождь, будет злая жара, будут пашня и сбор винограда.
И война не мое ремесло.
Не мое ремесло...